

О гастролях Магаданского
театра музыкальной комедии

ОРУЖИЕ ОПЕРЕТТЫ

Говорить о гостях плохо — не принято. Сказать плохо о гостях Владивостока артистах Магаданского театра музыкальной комедии — невозможно... Сегодня, когда зритель чуть приустал от тех проявлений энтузиазма, которыми он каждый вечер встречал магаданцев, когда эмпония уже не мешают трезво оглядеть всю череду их спектаклей, можно сказать: Магаданский театр музыкальной комедии — коллектив интересный, яркий, запоминающийся.

Впрочем, говоря о наших гостях, следует помнить одно обстоятельство, которое делает успех их во Владивостоке еще более значительным: это малочисленность, в силу обстоятельств, их труппы. Иметь по пять человек в составе хора и балета, быть вынужденными занимать на незначительной роли, например, Лотты в «Летучей мыши», солистку балета или в хоре — не занятых в этом спектакле или даже в этом действии солистов, и в то же время создавать интересные массовые сцены, крупные, хорошо звучащие ансамбли, как в той же «Летучей мыши», — для этого надо иметь действительно крепкую труппу, которая малыми силами при ограниченных средствах способна показать яркое сценическое представление.

Итак, сила театра — в его актерах, в том ровном актерском составе, который создает ансамбль. Трудно здесь выделить кого-то — каждый интересен по-своему. Как всегда, великолепен, пожалуй, самый давний зритель владивостокских зрителей В. Михайлов — каскадер, просяк и даже герой, в зависимости от роли. Он все еще по-юношески пластичен и способен справиться с любыми техническими трудностями, какие бы ни предъявляла ему роль. Правда, объективности ради следует заметить, что порой актер начинает играть «самого себя» — это говорит о некоторой потере художественной выразительности. Если уж речь зашла о каскадных актерах, нельзя не сказать о Л. Тузе, актере, тонко чувствующем психологические оттенки роли. Он — от-

личный мимист и, возможно, в некоторых ролях, даже более характерный исполнитель, чем В. Михайлов.

Я не случайно начал с комических актеров — во многих случаях, особенно когда речь идет о классической оперетте, именно на них держится стержень комедийного действия. И здесь театр располагает значительными силами. Это, кроме упомянутых актеров, и обладающий большим тактом, что так необходимо в комедийных ролях, В. Луговой, и молодой В. Бабенко, и интересные характерные актрисы Л. Веремкович и А. Винник.

Разнообразным и интересным актерским составом располагает театр на амплуа героев, если так можно назвать эти роли, учитывая специфику оперетты и малочисленность труппы. Т. Русабров — актер с великолепными внешними данными и отработанной техникой, но может быть порой излишне «театральный». В. Розанов — прекрасный лирический тенор, могущий украсить труппу оперного театра; В. Хмелья — исполнитель, придающий любой роли, какую бы он ни исполнил, особую человеческую теплоту и достоверность. Трудно перечислить всех интересных исполнителей, однако характеристика актерского состава театра была бы неполной, если не сказать о Р. Волковой и И. Ушаковой — исполнительницах главных женских ролей. Обе обладают хорошим голосом, обе достаточно профессиональны и, каждая по-своему, привлекательны в ролях Виолетты («Фиалка Монмартра» И. Кальмана) и Ганны Главари («Веселая вдова» Ф. Легара), Адели («Летучая мышь» И. Штрауса) и Лиды («18 лет» В. Соловьева-Седого), Одетты Доржонт («Баядера» И. Кальмана) и Элизы Дулитл («Моя прекрасная леди» Ф. Лоу).

Этот-то ровный актерский состав и дает возможность театру с успехом ставить спектакли в довольно широком диапазоне — в активе магаданцев современная советская музыкальная комедия, если так можно выразиться, лирико-драматической тональности, — «18 лет» В. Соловьева-Седо-

го и героическая «На рассвете» Г. Сандлера, целый букет классических венских и неовенских оперетт, среди которых первое место, безусловно, принадлежит неуязвимой «Летучей мыши» И. Штрауса, и мюзикл Ф. Лоу «Моя прекрасная леди», привлекающий острой, парадоксальной драматургической основой и прекрасной музыкой. Почти все спектакли сделаны интересно, что называется, крепко, за исключением разве «Ванских проказников», где безнадёжная слабость сюжета не искупается ни живостью И. Ушаковой, ни обаянием молодости Т. Атановой. Впрочем, «Проказники» — спектакль для театра проходной, подобные ему вещи, к сожалению, неизбежно зло местных театров. И я уверен, что будь у коллектива хоть малейшая возможность улучшить нелепую драматургию пьесы, он сделал бы это, как буквально воскресил «заграванную» драматургическую основу «Баядеру» главный режиссер театра В. Левиновский.

Однако, говоря о достоинствах театра, хотелось бы поспорить с некоторыми тенденциями, которые явственно видятся в творчестве коллектива. Я имею в виду прежде всего склонность к внешней, постановочной стороне пьес, безотносительно к их идейной направленности, что особенно заметно в классических опереттах. Безусловно, никто не будет ратовать за подход к ним с готовой социологической схемой, но вряд ли оправдано и такое отношение к классической оперетте, когда постановщик довольствуется лишь общим демократическим их замыслом. Пусть это звучит парадоксально, но искусство оперетты — искусство серьезное, потому что оперетта не смешишь, а осмеивает. И грустно бывает смотреть на то, как вялыми, не способными не только и осмеиванию своих врагов, но даже к действию, направленному в защиту собственного человеческого достоинства, выступают герои «Баядеру», в то время как светские шалопаи Наполеон де Сант-Клош и шоколадный фабрикант Луи-Филипп всеце-

ло приковывают к себе благожелательное внимание публики. И Раджами и Одетта — просто герои, вне места, вне времени. В «Летучей мыши» такими просто героями становятся представители общества «летучих мышей», — коммерсант Генрих Айзенштейн и директор театра Фальк, «приговоренные» композитором к осмеиванию и превращенные волею постановщика в невинных шалунов. И оперетта, оставаясь ярким, интересным зрелищем, теряет свою социальную направленность и остроту, которая заложена в самой музыкальной драматургии Штрауса. А ведь стоило чуть сместить акценты, и спектакль мог стать злой насмешкой над обществом «летучих мышей», и уж по-настоящему фарсово прозвучал бы тогда финальный штраусовский канкан.

Говоря об этих издержках театра, хотелось бы подчеркнуть, что дело здесь не в той или иной трактовке пьесы, которую режиссер волен выбирать, — речь идет об идейной направленности старой оперетты, оперетты очень музыкальной, очень смешной, но сдобренной в большинстве своем солидной дозой сентиментальности и мелодрамы, столь милых сердцу буржуа. И, подчеркивая, высвечивая демократические ее тенденции, вряд ли должны мы использовать и эти неприемлемые для нас черты старой оперетты. Да и отягощенная мелодрамой оперетта и зрелищно проигрывает.

У Магаданского театра есть постановки, относящиеся, кстати, к числу самых интересных и значительных, где смех—оружие оперетты, направлен по точному адресу. Это «18 лет», это «Фиалка Монмартра», это наконец, «Моя прекрасная леди». Театр располагает значительными интересными силами, способными справиться со многими, подчас очень сложными, постановочными задачами. И будем надеяться, что владивостокский зритель еще увидит новые постановки наших магаданских друзей, острые, веселые, отмеченные печатью глубокой мысли.

В. КНАПП.